

БЕЗОТВЕТНЫЕ ВОПРОСЫ «БЕЗДУШНОЙ» ПСИХОЛОГИИ*

Б. А. Сосновский

*Московский
психолого-социальный
университет,
г. Барнаул*

*e-mail:
sosnovsk@list.ru*

Отказ психологии от изучения душевных явлений приводит к нарастанию неизбежных пробелов в описании многих реальностей субъективного мира человека: сознания, потребностей, эмоций, смыслов, нравственности и др. Живая человеческая Душа требует достойных исследований и систематической поддержки, особенно в условиях господства морали рыночных отношений. Для создания непротиворечивой и востребованной психологии необходимо целенаправленное «одушевление» её понятийных и методологических конструкций.

Ключевые слова: психика, душа, сознание, личность, методология, идеология, мораль, нравственность.

Можно полагать, что мировоззренческий вопрос: «кто Я?» или «зачем всё Это?» предьявлен человеку необозримо давно, с тех пор, как существует «поток индивидуально-го сознания». Вопрос поставлен как нечто базовое, исходное, хотя и не предназначенное для обыденного размышления. С одной стороны, пониманию всякого человека неоспоримо задано его собственное наличие, присутствие в мире. Но есть не менее очевидное и как бы «параллельное» представление об ином, мысленном существовании всего вокруг. О наличии двух «одновременных» Миров (внешнего и внутреннего) своего бытия люди задумывались, по-видимому, задолго до классических озарений Платона или Аристотеля, ставших хрестоматийными для «западной» цивилизации. Люди попросту не знали о своём «великом» открытии того, что много позднее философы назовут Душой, интроспекцией, рефлексией.

За тысячелетия существования философии создано великое множество направлений и научных понятий, размывающих загадку бытия на некие не аддитивные «элементы» познания, аксиологии, эпистемологии, когнитивных структур или иных терминов. С помощью всевозможных дискретных знаковых систем «наделённые разумом» люди стремятся выразить свои субъективные представления, т. е. пытаются моделировать, а точнее, заведомо упрощать многомерный и непрерывный континуум реально целостного Мира – объективного и субъективного [4]. Неизбежным остаётся то, что все преходящие попытки человеческого познания являются аксиоматически ограниченными, т. е. приближительными.

Отказы от признания Души подобны наивной методологии вынужденного введения «промежуточных переменных» в двучленную схему «S-R» «ортодоксального» бихевиоризма. Пространство и деяния «чёрного ящика» между объективным «входом и выходом» настоятельно требует наполнения и «успокаивающего» (иностранного для точных наук) субъективного объяснения. В естественных науках такой «объяснительной» категорией выступают, к примеру, понятия Материи, Природы и др. В гуманитарных науках по необходимости добавляются категории Человека, Разума и т.п. В богословии и теологии всё объясняется деяниями всевышнего Бога. Но любое из этих понятий не может быть истолковано и выражено «само в себе», без обращения к внутреннему миру познающего Я, без активного участия субъективного пространства Души и Духа. Однако классическая западная наука не пошла в тернистом направлении интroversии, обозначенном в легендарном лозунге-призыве Протагора: «Познай самого себя».

Осознанный, но и поныне болезненный отказ современной научной психологии от изучения феноменологии «души» стал как бы привычным, аксиоматическим, а потому не часто обсуждаемым. Конечно, в психологии существуют направления и школы, называемые идеалистическими; развиваются психологические конструкции различных религий и верований, для которых обсуждаемая проблема отсутствует, так как наличие Души и Духа является для них основополагающим постулатом.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12- 06- 00121).

Естественнонаучные основатели современной классической психологии полагали, что обошли предостерегающий прогноз И. Канта и в стремлении создать «позитивную науку» приступили к экспериментированию, но не с метафоричной Душой, а с её частными проявлениями, которым оставили первородное название психических. Но проблема заключается не в том, возможен ли эксперимент в научной психологии? Проблема в том, что нововведённой «психикой» называется нечто заведомо уменьшенное до мнимой «понятности». Здесь было заложено начало и всех последующих редукций психики и Души.

Аргументацию отказа психологии от изучения души как феномена неоспоримо очевидного, но непостижимо сложного и кем-то (философией, богословием, Создателем) «запрещённого» для систематического познания нельзя считать убедительной. Это лишь частное следствие из постулата Платона: «Что не имеет объяснения, то непознаваемо, ...а то, что его имеет, познаваемо» [1, с. 17]. Но психология накопила достаточное количество фактов и закономерностей, позволяющих предполагать, что в человеческой душе существуют некие особые, «не научные знания», которые не сразу и не всегда находят своё объективное, традиционно знаковое выражение и логичное объяснение. Эти неоформленные, интуитивные «состояния знания» представляются индивидуальному сознанию посредством других, субъективных средств – особых «языков» переживаний, смыслов, душевных сомнений и поисков. Человеческая душа не сводится к Слову и даже к многоликому Логосу (слову, делу, мысли, силе), которые можно понимать как некие универсальные, но не единственные способы её существования или средства выражения, презентации сознанию индивида.

Неизбежные и неконтролируемые (людьми) воздействия или «естественные эксперименты» с человеческой душой и психикой постоянно проводит сама жизнь (и смерть), переменчивое социальное бытие преходящего индивида и устойчивое наличие человечества как вида. Душа живущего человека вопрошает, порой, требует размышлений и объяснений от своего носителя, особенно, в периоды каких-либо потрясений.

Например, Россия и её население на протяжении сотен лет периодически подвергается мощным «экспериментальным» социально-политическим, военным, экономическим и иным воздействиям «извне». Да и на планете в целом нет глобального благополучия, мировой гармонии «хорошего и плохого», нет устойчивого добрососедского сосуществования миллиардов человеческих душ, их разноликих ценностей, ролей, статусов и общностей.

К одному из уникальных психологических «экспериментов», проведённых в России советского периода, относится тоталитарное господство идеологии и политики воинствующего атеизма. Не одно поколение «новых» советских людей учили и заставляли «верить в безверие» [4]. Заклеймив религию как «опиум для народа», мощная государственная идеологическая система вела непримиримую войну со всеми проявлениями «враждебного», заведомо «ошибочного» идеализма и всевозможного «оппортунизма». Не требовалось никакой аргументации, чтобы отнести понятия Души и Духа к реакционному, буржуазному, поповскому и т.п. Как показало неумолимое время, такое смешение философии с реальной властью и мнимой «пролетарской идеологией» оказалось трагически ошибочным. Но современные и отсроченные влияния этого революционного «эксперимента» на поведение, сознание, судьбы и души миллионов граждан ещё не выявлены, не изучены и вряд ли являются до конца предсказуемыми.

В подавляющем числе психологических воззрений неуловимая «Душа» прагматически редуцировалась в «психику», которая подвергается всё большему числу упрощений (физиологических, поведенческих, системотехнических и т.д.). Однако с годами отказ от изучения душевных явлений, естественно, вызывает у психологов всё больше разочарований, вопросов и профессиональных сомнений как методологического, так и сугубо практического характера (В. А. Пономаренко, В. П. Зинченко, Б. С. Братусь и мн. др.). Такие сомнения обостряются всегда, когда психолог-исследователь обнаруживает явления и закономерности, которые не укладываются в принятые причинно-следственные отношения, не поддаются убедительным трактовкам с традиционных теоретических, а точнее, сугубо мировоззренческих, особенно, нравственных позиций. Психотерапевты, клинические психологи, специалисты всех прикладных отраслей психологии, а тем более, психиатры, церковнослужители, поэты, наконец – все они «работают» не с абстрактной психикой, не с её искусственно выделенными частями, а с неоспоримо субъективной, живой, целостной ду-

шой. Даже если она как-то иначе называется, либо вовсе не признаётся как не объективный феномен, как «ненаучный» термин, не поддающийся чёткой словесной дефиниции.

Обратимся к некоторым вполне академичным и изящным «теоремам» отечественной психологии. Например, это красивая материалистическая (реактологическая) гипотеза А.Н. Леонтьева о происхождении психики в процессе эволюции. Идея остаётся логически убедительной до тех пор, пока не встаёт элементарный вопрос об источнике и форме того развивающего «толчка», который привёл к возникновению потребности и возможности «отражения» организмом формально абиотических воздействий, «сигнализирующих» о появлении жизненно важных раздражителей. Что, из чего породило эту «элементарную психику»? Ссылки на гипотетический процесс эволюции и на усложнение требований дискретной среды обитания и деятельности, к сожалению, не дают исчерпывающего объяснения возникшей «психике», хотя и позволяют построить её вполне непротиворечивую, но неумолимо одностороннюю – диалектико-материалистическую модель.

В теоретических конструкциях А. Н. Леонтьева можно обозначить немало понятийных ходов, которые уведут читателя от категории «души», что для такого глубокого и тонкого психолога, конечно, не было случайным упущением. Это, например, психологическое преобразование проблемы потребностей в проблему мотивов. Это аксиоматическое отождествление или «психологическое совпадение» в человеческой деятельности её предмета и предмета потребности (мотива), отчего из реального психологического анализа деятельности фактически выпадали и сами потребности (как состояния), и эмоции, и реальные внутренние (личностные) побудители [10].

Или другая иллюстрация «душевных» упрощений в трактовке функций внимания (по П.Я. Гальперину): селективное осознание, программирование и контроль [2]. Такое понимание состояния внимания позволяет, конечно, построить вполне убедительную схему практически всей человеческой психики. Но при этом источник или носитель различных психических функций (сознание, избирательность, внимание, программирование, контроль) не то, чтобы не исследуется, но как бы и не подозревается. Получается, что всё это задаёт и исполняет само «внимание» как некая интегрирующая и универсально объяснительная психологическая категория. Интересно, что в теоретически совершенно иных и более ранних понятийных конструкциях А.А. Ухтомского внимание – это одна из «доминант души» [1].

Господствующая аналитико-синтетическая методология научного исследования иронично описана в строках И. В. Гете: «Живой предмет желая изучить, чтобы о нём суждение получить, учёный прежде душу изымает, затем предмет на части разлагает...» (1833). Заметим, что это опубликовано за несколько десятилетий до официального оформления психологии как особой науки, выделившей относительно внятный (ущемлённый) предмет своего исследования. Им были названы некие явления обыденного сознания, т. е. внутреннее, условно дискретные феномены субъективного мира, доступные анализу и самонаблюдению, экспериментированию, объективному выражению и проверке.

По мнению П. Я. Гальперина [2] с момента создания отдельной науки психология не столько изучает психику, сколько конструирует её в искусственно придуманную схему, отчего живая психическая действительность априори подчиняется предвзятой, заведомо усечённой авторской мысленной конструкции. В этом смысле многие психологические направления и школы различаются лишь несхожей терминологией, но не по существу конструируемого ими предмета собственного исследования. В изощрённых лабиринтах, блок-схемах, факторных моделях и тестовых процедурах современной психологии давно затерялась не только человеческая душа, но и сам её носитель – живой человек. Более того, психологию иронично и во многом справедливо называют наукой «об отсутствии души».

А. Н. Леонтьев в 1940-е гг. ушедшего века не без горечи замечал, к примеру, что традиционной психологии нечего делать с такими категориями, как «совесть», хотя она и пытается объяснить человеческое поведение [3]. П. Я. Гальперин в 70-е годы также досадовал, что из уклончивого отношения психологов к предмету своей науки проистекает фактическая самоликвидация психологии, оставляющая нас беспомощными перед стихией собственной душевной жизни [2]. Ж. Пиаже также полагал, например, что психология изучает лишь отдельные явления без познания их сути.

Прошедшие с упомянутых времён годы и столетия не привели к принципиальным сдвигам в «одушевлении» научной психологии, хотя отдельные разработки, например, в

русле отечественной науки, конечно, актуализировали и продвигали эту большую мировоззренческую проблему [1; 4; 5; 6; 7]. Но такое хроническое отставание в познании реальностей внутреннего мира человека является особенно контрастным на фоне обильных и стремительно нарастающих достижений в сфере естественных наук, в технике, в медицине. Душа (даже низведённая до нечёткой категории психики) по-прежнему остается одной из центральных и привлекательных «мировых загадок» (Э. Геккель, например).

Для отечественной психологии советского периода понятие «души» было не только неприличным, но и практически недопустимым, уничтожающе называемым «буржуазным» или религиозным. Теоретикам и философам надлежало следовать в русле постулатов «марксизма-ленинизма», а практики-психологи решали свои конкретные задачи, особо не задумываясь о различии между живой душой и философской трактовкой психики. Однако и в описании психики как «субъективного образа объективного мира» содержится глубокое содержание, не закрывающее возможностей уточнения и развития основополагающих понятий: субъективности, объективности, Образа, Мира, отношений между ними. Это настойчиво делалось не одним поколением российских психологов и философов [1; 2; 3; 5; 6; 7]. Диалектически понимаемое психическое отражение – это не пассивное копирование, но активное созидание, «пристрастное» воспроизведение и преобразование субъектом реального мира – объективного и субъективного. «Отразить» – значит создать, выразить в психическом Образе субъективное «видение» того, чего могло и не быть в объективном мире, что создано работой человеческого творчества и фантазии, проявлениями живой Души.

«Основной вопрос» философии о «первичности-вторичности», основанный на обыденном представлении о прямолинейном течении времени, останется безответным. Но это вопрос не только мировоззренческий, но и глубоко психологический, идеологический, нравственный. Признание спиралеобразного диалектического «единства» субъективного и объективного миров в человеческой психике – это большое методологическое достижение философской мысли. Поэтому применительно к единичной психике поиски «начала» неуместны, а политизированное деление взглядов и наук на материалистические и идеалистические представляется упрощённым и схематичным, неизбежно оценочным. Ответ о первопричине «всего и вся» не относится к науке, требующей объективных доказательств истины, а к сфере вездесущей и аксиоматичной веры или идеологии.

В людском бытии существуют некие базовые представления, идеи о том, как устроен Мир и общество, что есть добро и зло, правда жизни и идеальный человек, каковы правильные отношения между ним и социумом и т. п. Откуда исходят и чем (кем?) рецензируются нравственные и иные ценности, их неизбежная противоречивость? На уровне социума это должно осуществляться государством. Но для современной России важнейшей социально-психологической проблемой, имеющей как государственное, так и конкретно персональное значение, является отсутствие чёткой системы одобряемых ценностей и общегосударственной идеологии. Всё более очевидно, что именно духовные ценности и идеалы становятся реликтовыми для нынешнего общества. Заимствованная и фактически узаконенная мораль «рыночных отношений» крайне примитивна и нравственно ущербна. Она психологически и социально неприемлема, например, в медицине, образовании, науке, культуре, в любых гуманных межчеловеческих отношениях и взаимодействиях.

Но кто или что является первоисточником и внутренним контролёром морали и ценностей? Что управляет индивидуальной психикой? Многочисленные поиски таких механизмов в биологии или в социуме не дали убедительных ответов, хотя будут иметь всё более утончённое, детализированное и не менее безуспешное продолжение.

Общеизвестен аналитико-синтетический парадокс (или тупик) научного познания (Г. В. Ф. Гегель, И. Гёте, А. Н. Леонтьев, В. В. Налимов и др.): чем подробнее и «глубже» осуществляемый анализ (разложение на «единицы») изучаемого явления, тем сложнее понять исходное целостное, живое, а тем более, одушевлённое явление.

Если генетики, к примеру, утверждают, что выявили некий ген, предопределяющий особенности характера человека, то они, скорее всего, не слишком обеспокоены ни достойными доказательствами своего открытия, ни представлениями о многомерности самого понятия «характера» в психологии. Генные кирпичики характера – это по виду благое, но очередное стихийно материалистическое заблуждение общего мировоззрения исследователей. Оно немного отличается, к примеру, от механистических представлений и

конструкций времён Демокрита о наличии в теле людей и животных различных сочетаний потоков тяжёлых и лёгких атомов.

Мысленно представим субъекта, имеющего единственное орудие познания – микроскоп, когнитивные возможности которого «интериоризируются» и становятся (по Л. С. Выготскому) внутренним орудием-знаком, опосредствующим и качественно меняющим всю психику и личность. Тогда самые тщательные результаты микроскопического анализа «устройства» человека, например, не смогут «увидеть» и объяснить даже общей конституции и функционирования целостного человеческого тела, его «живущего», тем более, одушевлённого существования. «Методология» микроскопа вынуждена не просто дополняться, но принципиально переустраиваться признанием наличия другого, более синтезированного видения необозримо целостного Мира. Исследователю придётся вводить в научную лексику какие-то дополнительные, «сверхъестественные» термины, подобные, к примеру, понятиям разума, сознания, воли. Изучение человеческой психики, исключая наличие и понятие Души, является (по методологии) неизбежно «микроскопическим».

Показательно, что отец научного материализма Аристотель указывал на принципиальные различия между живым и неживым мирами. Он полагал, что душа – это форма, функция, деятельное состояние тела. Это само думанье, само гневанье человека. «Если бы глаз был живым существом, то душой его было бы зрение». Однако начало высшей или разумной души Аристотель считал сверхъестественным, т.е. относил человеческую Душу к неким особым явлениям и за два тысячелетия до Канта фактически исключал возможность её научного изучения. Подобные аналогии напоминают некий «бег на месте» как в трактовке Души, так и в понимании познавательных возможностей науки.

При этом остаётся не сформулированным базовый мировоззренческий вопрос о том, по чьей (?) программе и как (?) аристотелевские «формы» телесных органов (разные души) или современно выделенные генные «единицы» собираются в живой, единый и рефлексирующий человеческий организм. Всемогущая гармония Природы не может обходиться без каких-то носителей, регуляторов, посредников или исполнителей, коими вполне допустимо считать Идею, Замысел, Дух, Душу.

Обращения традиционной психологии к отдельным компонентам «психики», например, к потребностям, способностям, деятельностям и т.д. дают лишь некое внешнее описание происходящего, но не выявляют того, что реально стоит за подразумеваемой «психикой». Скажем, самое продуктивное и творческое мышление личности может быть направлено на причинение заведомого зла. Невозможно объективно доказать, например, что именно «побудило» человека к совершению целенаправленных деяний, и психологи произвольно называют «мотивом» то, что они предполагают и формулируют сами [10]. А. Н. Леонтьев писал, что у человека в голове нет мотива, что спросить о мотиве, значит спросить о смысле. И здесь открывается одна из тропинок к реальной человеческой Душе.

Можно считать, что в научной психологии формально интегрирующей, несущей «субстанцией» чаще других объявляется некая вездесущая личность как «сверхчувственная реальность», как «несуществующая сущность». Это очень похоже на переименованную платоновскую Идею, на гегелевский Мировой Дух, на богословский Святой Дух и т.п. Демокрит, к примеру, также отождествлял душу и личность. В результате в научной лексике имеются лишь различные номинации искомой и по-прежнему не выявленной сущности. Конечно, вся индивидуальная психика существует в живом и конкретном субъекте, в личности, которая её несёт и использует. Но что именно психологически «работает» во всеобъемлющей субстанции, называемой человеческой личностью?

По методологии отечественного материализма личность рассматривается в «триединстве» с деятельностью и сознанием [3]. Однако нельзя не заметить, что и в такой аналитико-синтетической концепции остаётся открытым вопрос о реальном носителе или «причине» диалектического единства «деятельности, сознания и личности». Что и почему объединяет эти феномены? Какое место в этой мощной методологической модели отводится живой и конкретной, субъективной и субъектной человеческой «психике»?

Видимо, психика присутствует во всех компонентах этой «формулы», но в них же незаметно исчезает из психологического исследования. Предметом психологии является не личность, а её целостная психика. Психология призвана изучать внутреннюю, психическую «деятельность», которая выражена посредством внешней активности. Но существует множество иных, не только деятельностных проявлений психики. Наконец, сознание как

часть предмета психологии – это лишь «высшая» форма человеческой психики, также производная от деятельности и личности, как они производны от сознания. Если бы сознание рождалось единственно в деятельности и только для деятельности, оно было бы исключительно прагматичным, психологически скупым и неинтересным.

Для получения реально целостной психики или «Образа Мира» не хватает чего-то центрирующего, системообразующего. Недостаёт некоего метапонятия, которое, хотя и вычеркнуто из академической психологии, но не ушло из сознания человека, в том числе, профессионального психолога, по-своему «испорченного» терминологией своей науки. Академическая психология хронически нуждается в очеловечении и одушевлении. Всё острее необходимы первородные понятия Души и Духовности, производными от которых густо наполнена, например, лексика русского языка.

Уже в начальной школе дети делят окружающие предметы на одушевлённые и неодушевлённые. Мы осознанно говорим, к примеру, о душевном подъеме или спаде, о силе или слабости духа, о душевной боли или беседе, о воодушевлении и т.п. Да и в других языках разведены исходно синонимичные понятия души и психики. К примеру, международный сигнал о помощи «SOS» звучит как «спасите наши души». Человеческие представления о собственной душе не помещаются в ограниченном понятии психики. Тонкие, богатые и широко разветвлённые смысловые оттенки слов и выражений о душе и духе не вычерпываются из системы объективных значений «психики».

При отсутствии Духовности и Души невозможна (и не нужна) культура, искусство, литература, религия, нравственность. Но без всего этого невозможно и само общество. Почётный социальный титул «инженеров человеческих душ» носили, например, советские писатели, а не психологи или философы. И это произошло не только по «воле вождя», но и ввиду добровольного бегства от «поэтической» проблемы Души самой психологии – мировой и «советской». Парадоксально, но конструкции и концепции, например, математики, астрономии, химии, физики, географии, моделирующие объективный мир, идеологически и понятийно свободнее, чем многие психологические построения.

Массовые социальные последствия духовного «бессилия» научной психологии становятся всё более удручающими, особенно, на фоне нравственного обнищания современного общества. К примеру, вольготно существуют и обильно рекламируются ценности безудержного материального потребления, агрессии, стяжательства, извращённого секса. Катастрофически падает уровень массово тиражируемой культуры. Стало привычным наличие в российском обществе всевозможных официальных гадалок, ворожей, экстрасенсов, «потомственных ведм». Социальная ниша по удовлетворению запросов и внутренних проблем личности не бывает, конечно, пустой.

На неуловимых феноменах человеческой духовности и души зиждется любое искусство, творчество, религии и всевозможные убеждения и верования, любое плодотворное взаимодействие людей. Но из всех существующих наук только психология может и должна взять человеческую Душу под систематическую защиту. Сигнал бедствия подаёт, например, Душа человека, живущего в гигантском мегаполисе, где обрекается на суетливое бытие в неисчислимых толпах людей, перегруженных теснотой, беспорядочными контактами, длительными передвижениями, очередями, социально-экономическими контрастами. Души требуют аврального спасения от засилья иноземной культуры, от назойливых СМИ, от неуёмного реформирования образования, от всевозможных перестроек, банкротств и кризисов, от нарастающей нравственной деградации общества и личности. Российский гражданин давно формируется и существует в особых условиях затяжной и чрезвычайной социальной ситуации. По-видимому, предназначение Духа и его творения – Души в чём-то аналогично биологической роли кислорода: необходимы и присутствуют всегда, но осознаются человеком лишь в экстремальных условиях. Поэтому так необходимо помочь душе человека найти себя, «раскрыться», развить и реализовать «души прекрасные порывы».

По-видимому, к научно исследуемым проявлениям человеческой Души более других приближаются трактовки сознания и самосознания субъекта (включая волю), внутренние деяния, переживания, пространство субъективных смыслов и потребностей, моральные и нравственные представления и черты характера. Но именно по этим компонентам психического облика личности отмечается особенно много противоречий, недоработок, дискуссий. Здесь широко распространены и обильные упрощения субъективного мира.

Это, например, механистическая трактовка сознания как «вторичного» отражения «первичного» бытия, как совокупной системы знаний и упрощение его структуры до суммы психических феноменов. Это лукаво «материалистическое» название психологии наукой «об отражательной деятельности мозга». Это аксиоматическая трактовка явлений сознания как образований, изначально враждебных по отношению к бессознательным (исконно истинным) устремлениям личности. Правовым, экологическим, экономическим или каким-либо другим «сознанием» называется простое знание основ юриспруденции, экономики, экологии и т.п. Соответственно осуществляется вездесущее педагогическое «формирование» и «воспитание» психологически выхолощенного «сознания», в котором нет места не только живой человеческой душе, но и субъективному отношению, переживаниям и смыслам. Отсутствует сам субъект – реальный и живой создатель и носитель активности, «двухплоскостного» сознания и собственной Души.

Это наивно «материалистическое» упрощение человеческих переживаний до вспомогательных ответных экспрессивных реакций организма по упрощённо полярному принципу: позитивные либо негативные. Это молчаливое игнорирование страдательной стороны психики, в которой отражается и создаётся не только объективный Мир, но и событийный внутренний (С. Л. Рубинштейн), т.е. душевный мир человека. Эмоциональность как свойство личности – это свойство Души и её непререкаемое для субъекта проявление. По хрестоматийному мнению Р. Декарта душа – это факт непосредственного переживания как следствия сомнения в чём-то. Это первичная для субъекта сторона реального бытия и некая, называемая тупиковой «формула» смелого декартовского прозрения: «Я мыслю (чувствую, осознаю, переживаю), т.е. (значит, но не в порядке логического следствия) существую».

К «душевым» потерям относится и продолжительное неприятие в понятийный строй психологии (особенно, массовой учебной) категории субъективного смысла, без которого невозможно адекватное описание реальных человеческих поступков. Аристотелевскую трактовку «зрения как души глаза» можно также интерпретировать как обращение к категории «смысла глаза», или его основной Идеи (по Платону). Положим, что душа человека (по Аристотелю) – это не причина всякого движения, а всего лишь «форма тела», приобретаемая в деятельности. Тогда человеческая душа – это все его предназначения, функции, переживания, способности, деятельности, устремления. Но всё это нельзя выразить и понять, не используя язык духовности, категории субъективности.

Человек есть «существо, ориентированное на смысл», на осознание того, зачем существует всё, что он воспринимает, делает, переживает. Многомерное пространство смыслов создаётся не только в деятельности, не только в отношениях мотива и цели [3], но в неисчислимом множестве связей и отношений, существующих между компонентами целостной человеческой психики: потребности, мотивы, эмоции, опыт, способности и др. [10]. В живом человеке отдельные смыслы рождаются и умирают в многомерном пространстве души. Это семантическое пространство создаётся, вычерпывается субъектом не только из объективного Мира, но из неперменного сопоставления с собственным Я, со своими желаниями, деяниями, переживаниями. Смысловое пространство личности – это также результат «работы» Души и её многоуровневое, жизненно значимое проявление.

Вне категорий смысла, эмоций и духовности теряют понятийную определённость многие психологические термины и явления. Например, это проблема человеческих ценностей и их иерархии. Если рассматривать человека как существо биологическое, то первой его ценностью выступит кислород, затем – вода, сон, еда и т.д. Но в любых открытых и живых системах нет такой жёсткой субординации. Более того, человек, наделённый душой, далеко не все свои объективные нужды переводит на психологический уровень потребностных состояний. Поведение и деятельности человека подчиняются не дискретным потребностям или мотивам, а неким личностным потребностно-смысловым образованиям. Реально побуждает не единичный мотив, а субъективный смысл, некая относительно устойчивая смысловая система души. В ней «работают» не только мотивы, в том числе, не нашедшие деятельностной реализации [10], но и вся целостная психика, вся недремлющая душа. И тогда самым ценным (обнаружившим свой смысл) для человека может стать нечто непонятное окружающим, яко бы второстепенное, а то и вовсе незначимое как биологически, так и общественно.

Это, положим, измененные состояния сознания, суицидное поведение, примеры безвозмездной добродетели и героических подвигов, непреклонная верность идее, долгу и многое другое. Тому же нравственному пространству Мира принадлежит и изощрённая ложь, и вероотступничество, и многоходовые межличностные интриги, и предательство и т.п.

Когда исследователь соприкасается с такими интуитивно понятными словами и категориями, как, например, честь, порядочность, совесть, то он становится практически бессильным, поскольку в терминологии современной психологии таким понятиям нет должного места. Следует отметить, однако, что за последнее десятилетие в отечественной науке намечилось некоторое координированное направление в исследовании и актуализации многих животрепещущих проблем психологии духовности и нравственности [8; 9].

Основной теоретический и решающий практический вопрос заключается, по-прежнему, в поиске объективных и надёжных критериев морали и нравственности, которые не могут быть бесспорными, универсальными. Правила морали ситуативны, переменчивы и противоречивы для различных цивилизаций, культур, государств, обществ и групп. Принципы нравственности относительно устойчивы и носят обобщённый, абстрактно общечеловеческий характер. Мораль может быть безнравственной, но и не всякая нравственность соответствует текущей или господствующей морали. Поэтому критерии морали и нравственности, равно как и различия между ними всегда относительны, нечётки, переменчивы. Похоже, что граница между «добром» и «злом» пролегает во внутреннем, душевном пространстве личности, а не во внешнем, объективном мире.

Например, по определению К. Гиллиган, мораль – это «вид поведения, при котором его субъект не наносит вреда ни себе, ни окружающим» [9, с. 9]. Эта поведенческая дефиниция сомнительна психологически и практически. Во-первых, мораль для психологии – это не вид поведения, а то субъективное в человеке, что задаёт его поведение. Во-вторых, это неопределённость критерия «вреда», какого именно: материального, психологического, общественного? В социальном бытии людей полное отсутствие «вреда» невозможно, несбыточно. Но вполне возможны и нередки многоликие вредоносные ситуации.

К примеру, поведение молодого А. С. Пушкина на своей трагической дуэли следует считать (по названному критерию) аморальным, поскольку оно принесло «вред» очень многим – поэту, его семье, друзьям, почитателям, русской культуре. Но этот возможный «вред» не имел актуального смысла для Пушкина по сравнению с его пониманием чести, с ценностями его духовного устройства. Да и сейчас, спустя почти два столетия такой (ставший предсмертным) поступок вызывает у потомков скорее трагическое восхищение своей духовной возвышенностью, нежели прагматичное моральное осуждение.

Мораль и нравственность традиционно умалчиваются почти всеми областями современной науки и знания (за исключением этики), будучи совершенно необходимыми в обыденной жизни, во взаимодействии и общении людей. Что, например, «дороже» субъекту и обществу: совесть и честь или вознаграждение за их отсутствие?

Независимо от возраста, образования, социального статуса безнравственный человек опасен для окружающих. Сообщество людей, лишенных совести, обречено на вырождение и самоуничтожение. В неустрашимом расхождении морали и нравственности заключается одна из глобальных проблем человеческого существования. Но в нескончаемых поисках человеком всемогущей истины и внутренней гармонии активное участие мировоззренческих категорий Души и Духа является не только полезным, но и абсолютно необходимым.

Об активном участии Души в работе психики «говорят» на сенсорном языке все известные иллюзии восприятия и мышления, сбывшиеся и несбывшиеся «предчувствия», мечты и грёзы, «ожившие» воспоминания, «внезапные» открытия или «озарения» человека. Всем этим должен кто-то управлять, иначе субъекту следует считать Мир просто случайным и хаотичным, а себя в нём – бессмысленным созданием, беспомощным объектом, стихийно существующим в неупорядоченном и инородном «окружении». Но это излишне примитивно, мало приемлемо для наделённого рефлексией субъекта *Homo sapiens*, не подвергшегося массовой «духовной стерилизации» и устоявшего против социального подавления (слепого или целенаправленного) его душевных устремлений, вопросов и сомнений.

Пчела, к примеру, вряд ли «может задуматься» об использовании человеком мёда, усердно ею производимого. Но, с другой стороны, существует мнение, что «только человек может делать бессмыслицу, животное этого делать не умеет» (Гельб). Смысл и выражаю-

щий его диапазон объективных знаков подобны математической абстракции: от «бесконечно большого» до «бесконечно малого». В этом многомерном и непрерывном семантическом пространстве существуют, по-видимому, некие дискретные сферы, которые являются пограничными, непреодолимыми для тех или иных особей, для различных видов жизни и бытия, для различных форм отражения, психики и осознания. Возможно, что и человек, периодически ищущий смысл существования, подобен пчеле, обреченной на относительное, упрощённое понимание смысла собственного жития и общего мироустройства. Но наличие вездесущей Духовности и сомневающейся, ищущей, дерзающей Души хоть как-то «объясняет» само человеческое стремление к многотрудному индивидуальному поиску личностных смыслов. Такие единичные смыслы – это некие промежуточные ответы на глобальные вопросы о непостижимой (стремящейся к пределу) истине, обо всех существованиях, предназначениях и использованиях Мира, Духа, Человека и его Души.

Людские Души, разумеется, должны быть в Природе разными: тёмными и светлыми, пустыми и богатыми, добрыми и злыми и т.д. Наполняющий и оживляющий их Дух, вероятно, тоже не единственен и не однолик во Вселенной. Святой Дух христианского православия, например, тысячелетиями борется с вездесущим злым духом или грехом. Всеобъемлющий Дух мироздания независим от человеческого сознания, а потому не менее объективен, чем время, пространство, материя. Но сделать Мир «одушевлённым», т.е. наделить его субъективным отношением, ценностью, смыслом может только Человек, когда преобразует, переводит Мир в собственно психологическое, субъектное существование. Так возникает обоюдное единство Мира и Образа, материального и идеального. Душа создаёт в человеке духовный Мир образов, а не только Образ Мира (внешнего и внутреннего). Влияние Души распространяется на всё мироздание. Поэтому любые науки, моделирующие Мир, не могут быть равнодушными, так как несут в себе духовную работу своих создателей. Человеческий Дух в своих материализованных творениях возвышается над объективной материей, ибо не только воссоздаёт, но и преобразует, творит особую, духовную субстанцию Души и всего Мира. Душа человека ищет во всём смысл, идею, предназначение, т.е. ищет и, порой, находит себя. Но из всех наук только перед психологией поставлена задача познания Души как таковой, а последнее есть важнейший, исходный компонент всего миропонимания. Однако вопиющее превосходство естественных или точных наук, изучающих объективный мир, над одиночной и вечно «молодой» (или незрелой) психологией становится всё более разительным. Технический прогресс не только не способствует прогрессу нравственному, но, скорее, ведёт к обратному, т.е. всё более иллюстрирует неготовность человека к разумному использованию достижений современной техники, в том числе, сугубо потребительской, разрушительной и милитаристской. Люди не становятся ни добрее, ни совестливее, когда открывают тайны микро- и макромира, меняют географию планеты, работают в околоземном пространстве, виртуально существуют в интернет-коммуникациях и т.п. Приращение объективного знания о природе, совершенствование орудий деятельности, средств передвижения и общения вовсе не обязательно приводит к расширению самосознания индивида, к душевному благополучию и совершенствованию человека. Неуловимые смыслы, многоцветные переживания, нравственные категории, духовные принципы и свойства человека по-прежнему остаются малодоступными для современной научной психологии, которая предпочитает работать не с Душой, а с более удобной «психикой».

Наличие Души и Духа по-прежнему нельзя ни доказать, ни опровергнуть общепризнанными научными средствами. Это вопрос глубоко персональный, идеологический, нравственный, а потому всегда открытый. Он относительно разрешаем только в субъективном пространстве каждого конкретного, индивидуального бытия и сознания. Но Человек как вид, как *Homo sapiens* есть существо не только «разумное» и наделённое сознанием, но и существо одушевлённое, а иногда – одухотворённое, воодушевлённое, вдохновлённое и т. п. Включение Души и Духа в терминологический строй психологии переводит все понятия в иные, нетрадиционные трактовки и сферы рассмотрения: смысловые, этические, пространственные, временные. Потребуется выявление и обоснование иных причинно-следственных отношений и мировоззренческих представлений (по аналогии с особым мировосприятием верующих людей). Можно надеяться, что психология все-таки станет наукой о реальной человеческой Душе и Духовности, но для этого потребуется не только обнаружение новых и достоверных фактов. Необходима принципиально новая ме-

тодология, человеколюбивая идеология собственно психологического, т.е. «душевного» исследования, причём без лингвистического замещения или стеснительного употребления понятий Души и Духа. В действительности эти понятия не более абстрактны и загадочны, чем многие другие, например, материя, время, пространство, число и т.д. Вольно или невольно избегая рассмотрения феноменологии души, научная психология упорно движется по замкнутой окружности множества важных, но, по сути, частных вопросов и исследовательских задач, которые, порой, едва соприкасаются с живым и реальным субъективным Миром человеческого существования. В этом заключается и основной недостаток современной психологии, и её головная проблема, от решения которой зависит само дальнейшее существование, научное признание и развитие всей психологии.

Список литературы

1. Василюк Ф. Е., Зинченко В. П. и др. Методология психологии: проблемы и перспективы. Учебное пособие. М.; СПб., 2012.
2. Гальперин П. Я. Введение в психологию. М., 1975.
3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
4. Налимов В. В. Разбрасываю мысли. М., 2000.
5. Пономаренко В. А. Психология духовности профессионала. М., 1997.
6. Пономаренко В. А. Созидательная психология. Москва-Воронеж, 2000.
7. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. Под ред. А. В. Брушлинского.-М.; Изд. «Институт психологии РАН», 1997.
8. Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М., 2011.
9. Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А.В. Юревич. М., 2010.
10. Сосновский Б. А. Мотив и смысл. М., 1993.

UNANSWERABLE QUESTION "SOULLESS" PSYCOLOGY

B. A. Sosnowski

*Moscow
psycho-social
university,
Barnaul*

*e-mail:
sosnovsk@list.ru*

Disclaimer psychology from the study of psychic phenomena leads to an increase unavoidable gaps in the description of many realities person's subjective world : consciousness , needs, emotions, meaning , morality, and other living human soul requires systematic research and worthy of support, especially under the rule of morality of market relations. To create a consistent and popular psychology must purposeful " animation " of its conceptual and methodological designs.

Keywords: Psyche, soul, consciousness , identity , methodology , ideology, morality, ethics .